

*Н.Б. Граматчикова
(Екатеринбург)*

Символические репрезентации животных в литературе Урала рубежа XIX–XX веков

Рубеж XIX–XX вв. в литературе Урала – время, когда задаются важнейшие для региональной идентичности маркеры. Уральская литература, активно осваивая культурное пространство региона и одновременно определяя его облик, наряду с «человеческими» сюжетами активно развивает и анималистскую компоненту. Хотя изображение животных обычно периферийно и маргинально по отношению к миру людей, однако и в нем региональная специфика уральской литературы просматривается с несомненной четкостью. Образы животных становятся важными символическими атрибутами как этносов, населяющих Урал, так и самой территории, открывая для литературы рубежа веков один из автохтонных пластов культуры региона.

Северный и Южный Урал противоположны по климату, природным зонам и, как следствие, по животному миру. С этой точки зрения Средний Урал в оппозиции как бы не участвует, «присоединяясь» то к тому, то к другому полюсу. Имея в качестве опорных знаков заводы и общественные места, Средний Урал помещает человека в пространство завода, рудника, казармы – в толпу, многолюдство, жизнь публичную, общественную, оставляя мир природы на периферии своего зрения, как возможность бегства, отдушину, фон контрастного сопоставления с миром промышленным. Все образы животных на Среднем Урале – «пришлые»: с Урала Северного или Южного, которые и стали предметом нашего рассмотрения¹.

В текстах, посвященных Северному Уралу, символический статус имеют медведь и собака².

Медведь – один из важнейших образов в системе мифологических представлений манси (вогулов) и хантов (остяков). В этнографических очерках П. Инфантьева, посвященных вогулам, остякам, айнам, описания культа медведя, медвежьих праздников присутствуют обязательно. Ритуалы медвежьих праздников включают в себя священные «медвежьи песни», заклинания, танцы, театрализованные сцены и др.

Вместе с тем, анализ рассказов К. Носилова («На лабазе») и П. Инфантьева показывает, что медведь присутствует в культуре вогулов и остяков как фигура умолчания. Медведь – непослушный сын верховного божества Торма (Тура), убив которого, люди получили огонь, лук и стрелы, поэтому само произнесение имени медведя табуировано – только Он (П. Инфантьев «Вогулы», «Мсть шайтана»).

В завязке очерка П. Инфантьева «Дети-сироты» медведь также остается «за кулисами»: кормилец семьи погибает на охоте, по всей видимости, в схватке с медведем, домой возвращается лишь израненная собака; образуется уже обозначенное нами трио: человек – медведь – собака. Другие животные (лоси, песцы, лисы, белки и др.), конечно, тоже встречаются в текстах, но лишь как объекты охоты³. С собакой же и медведем выстраиваются паритетные, субъектно-субъектные отношения. Медведь обладает чертами культурного героя, а собака изначально была замышлена как друг человека, как равное ему существо. В вогульском предании о происхождении собаки она умеет говорить и стрелять из лука по воле Торма, но затем лишается этих даров из-за вмешательства других богов (П. Инфантьев «Вогуль»).

Собака – верный спутник и помощник на охоте. Рыдает сдержанный Василий Михеич, случайно застреливший на охоте своего пса Валетку (И. Колотовкин «По чарьуму»), образы псов, воссозданные К. Носиловым в рассказах «Яхурбет» и «Тассо», несколько не уступают человеческим, при этом не становясь подчеркнуто антропоморфными. Вогульские собаки – последнее, что остается от вогулов на Урале («Лес» Д. Мамина-Сибиряка). «Спускаясь» на юг по Уральским горам, медведь и собака десакрализируются. Собака превращается в одно из животных, сопровождающих человека.

Еще один мотив, имеющий символический характер для Северного Урала, – это рыбная ловля. В рассказах К. Носилова она всегда является спутником, предвестником рассуждений об изобилии природы. Ярчайшее воплощение этой мысли – описание озер Севера («На родине. Ококетто»). Но и в более скромных своих вариантах – «Счастливая ловля», «За карасями», «Вогул Галья» – рыбная ловля всегда создает контекст должной благодарности человека природе как матери всего сущего и богам или Богу. Известно, что в начале лета вогулы отмечали праздники рыбаков, включавшие в себя соревнования на лодках, разжигание костра, жертвоприношения, совместные трапезы, шаманские камлания с целью выяснения, в какое время появится рыба и в каких местах ее лучше ловить.

У северных народов Урала есть еще одно животное, используемое ими только в сакральных целях, при жертвоприношении, – это лошадь (обычно белая или сивая, см. очерки П. Инфантьева «Остяки», «Жертва вогула»). Лошадь на Северном Урале – это знак долгой исторической памяти народов, пришедших на север с юга, оказавшихся совсем в иных условиях, но сохранивших древние мифологические предания. Например, младший сын Торма – Мир Сусне Хум («За миром смотрящий человек») – часто представляется всадником на белом коне.

Для Южного Урала и прежде всего башкир конь – главное животное. На коне рождались и умирали, конь был тягловой силой,

давал кумыс и мясо, был спутником и другом. Конь – это «крылья мужчины». Как двойственна интонация изображения башкир в русскоязычной прозе, так двойственно и изображение лошадей и отношения людей к ним в текстах, посвященных Южному Уралу.

С одной стороны, отношения башкир с лошадью поэтизируются: лошадь – непрменный спутник этого народа, скачки на лошадях – обязательный элемент народных праздников («Юммя», «Байгуш» Д. Мамина-Сибиряка, «Башкирские скачки», «Амеля» Н. Крашенинникова; очерк П. Инфантьева «Башкиры»). С другой, снисходительность по отношению к этносу, медлящему с адаптацией в новых условиях, проявляет себя через характерные ремарки, как, например, «башкирское сено» (ветки), «башкирский кнут» (хвостик на из плетня) («На кумысе», «В последний раз» Д. Мамина-Сибиряка); через именование «кобылятники» («Озорник» Д. Мамина-Сибиряка).

Во внутренней среде отношение к лошадям также очень значимо. Конокрады подвергаются чрезвычайно жестокой казни, художественные свидетельства которой многочисленны («Горы» М. Авдеева, «Свадьба Сафея» Н. Крашенинникова, «Башкир Юмангулов» А. Туркина). Эпизоды, связанные с кражей коней башкирами, занимают важное место в «Озорнике» Д. Мамина-Сибиряка. Конокрад Джаик – один из главных героев его же рассказа «Кара-Ханым». Однако с точки зрения внешних наблюдателей, соседей, настороженного отношение распространяется на всех башкир («Беспокойное место» В. Брусянина) как на потенциальную угрозу лошадям.

Контрастное отношение среди русских и башкир и к волкам. Традиционное отношение у русских к волкам – как к опасности, прямой угрозе ездоку, лошадям, стаду («Семка-ямщик» К. Носилова). У башкир обнаруживается бытование легенды о белом волке как символе самопожертвования (рассказ П. Добротворского «Бабай» о самопожертвовании старика-башкира коррелирует с интонацией башкирской легенды, изложенной В. Брусяниным в «Белом волке»).

Еще один мотив, связанный с животным миром, – это мотив «вольных птиц», активно используемый литературой при изображении жизни сезонных рабочих Урала на приисках, рудниках и др. Он также амбивалентен: в нем звучит как нота беззаботности, воли, так и интонация бездомности, неприютности, оторванности от корней. Двойственность положения охотников, старателей и др. «вольных» работников выражена через их авторское уподобление птичьему миру и аналогичную самоидентификацию («Вольный человек Яшка» Д. Мамина-Сибиряка). Интересно, что устойчивое представление о беспечности башкир (как продолжении их фатализма) также имеет «птичью» проекцию и отражается, например, в сравнении Ахметки, персонажа рассказа П. Добротворского, с соловьем.

Тоска по родине, стремление вернуться в родные места (в сущности своей иллюзорное, как тоска по несбывшемуся) удивительно ярко звучат как раз у писателя Среднего Урала И. Колотовкина, казалось бы, целиком погруженного в изображение человека в социальном и профессиональном мире. Однако именно у И. Колотовкина мы находим целый ряд образов, которые обнаруживают иное измерение человеческой жизни через сравнение/сопоставление человека и птиц (тоска сторожа пристани на глухой таежной речке, «В силках»; отъезд возницы Еремея на родину, на Дон, после того, как он увидел гусиную стаю, «Гуси»; голубей как память о родине везет с собой в Сибирь паренек из рассказа «На вокзале»).

Таким образом, символическая атрибутивность образов животных и птиц в уральской литературе несомненна и связана с широким кругом проблем этнической идентичности.

Примечания

¹ Ящерицы как символическое животное Среднего Урала – явление позднее, становлением своим обязанное сказам П. Важдова. Хтонический характер этих существ соотносится со становлением региональной уральской мифологии, где мотив подземных богатств Уральских гор, – один из ключевых.

² Речь идет о буром медведе. Белый медведь в текстах, посвященных народам севера, проявляет себя аналогичным и даже более ярким образом, но поскольку ареал его распространения не касается Урала, то мы оставляем очерки и рассказы, например, К. Носилова и П. Инфантьева, содержащие упоминания о белых медведях и даже целиком посвященные им (как рассказ К. Носилова «Наши инженеры»), за пределами данной статьи.

³ Из этого ряда лось находится в сильнейшей позиции, встречи с ним на охоте наиболее значимы, однако все это происходит в рамках его объектного статуса. В мифологии манси (вогулов) также важен образ лебедя (лебедей в жертву приносят божеству Илим-Чир-Ной-Отру – П. Инфантьев «Жертва вогула»), однако во всей полноте культ лебедя просматривается лишь у народов более северных – например, ненцев.

*Л.Е. Добрейцина
(Екатеринбург)*

Театральная жизнь Нижнего Тагила в первые десятилетия советской власти

История театрального дела в Нижнем Тагиле типична для российской провинции. До революции здесь существовала только самодеятельность, к театру был приобщен очень узкий круг самозабвенных театралов. Гастроли профессиональных актеров были большой редкостью. В советское время традиции любительства сохранялись, но культурная политика советского государства придавала им новые черты. Появились попытки насаждения профессиональной театральной культуры. Первые двадцать лет советского